

«ЧТО ПРОИСХОДИТ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ? ИНТЕРЕСЫ И ЛОГИКА ДЕЙСТВИЙ РОССИИ В РЕГИОНЕ»

Виталий Вячеславович Наумкин, научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук

Стенограмма заседания Международного клуба *Триалог*

5 июля 2017 г.

Виталий Наумкин: Я считаю, что уже, в принципе, в самом названии есть ответ на тот вопрос, который поставлен. Сказано — логика, раз есть логика – значит все хорошо. Только в действиях России, а не в том, что происходит. В том, что происходит, никакой логики нет. Я буду говорить, естественно, кратко, потому что очень много всего: огромный регион, и очень много проблем. Все время появляются новые конфликты, и вспыхивают те спящие конфликты, которые, казалось бы, себя долго не проявляли. Но, поскольку общий кризис поразил регион, то, я думаю, что это не последний кризис — я имею в виду ситуацию вокруг Катара.

Я начну с Сирии, поскольку она мне ближе всего, как было правильно сказано, я длительное время — с самого начала кризиса — с 2011 года активно занимаюсь в практическом и в академическом плане сирийским конфликтом. Это один из самых кровопролитных и тяжелых конфликтов нашего времени. В двух словах можно сказать, что в Сирии мы сегодня наблюдаем ситуацию, когда сирийское общество расколото на враждующие между собой сегменты. Один из этих сегментов, которые иногда наши западные коллеги недооценивают, — это сегмент, который сохраняет лояльность существующему правительству, как его называют иногда *режиму*. И наши сирийские партнеры категорически возражают против использования слова *режим*. В Женеве мы не используем слово *режим*, потому что это значит сразу же превратить сирийских дипломатов, с которыми мы работаем, в наших противников.

Неважно сколько, 30%, 40%, 25%, 55% – за Асада и видят в нем символ сирийской государственности, независимости и единого государства. Не важно, сколько, важно, что сегмент есть. Этот сегмент контролирует определенную часть территории. Опять же не важно, то ли это 20%, то ли 30%, то ли 40%. Тем более что это в основном зоны крупных городов. Значительная часть территории, которая, как считается, контролируется террористическими группировками, в значительной мере состоит из пустынь, которые вообще, по большому счёту, кроме нефтяных полей и ещё некоторых ресурсных элементов, запасов некоторых ресурсов, в общем-то не решают проблемы.

В последнее время – ну, нет необходимости вам рассказывать – там конечно страшной является гуманитарная ситуация в Сирии – хотя в Йемене она ничуть не лучше, а может быть даже и хуже – и что не менее страшная серьезная проблема, которая особенно касается наших европейских партнеров, – это проблема сирийских беженцев. Я не буду называть цифры из-за экономии времени – это все есть в интернете. За последнее время появился некоторый свет в конце туннеля в отношении сирийского кризиса. Это связано прежде всего конечно с голосованиями в прошлом декабре по Резолюции 2254 в Совете Безопасности, где впервые достигнут был консенсус, и где сегодня международное сообщество активно работает по претворению в жизнь, по выполнению этой резолюции.

Эта резолюция определяет три основные корзины, которые обсуждаются на переговорах в Женеве: это корзина политического перехода или вообще управления страной, это корзина Конституции и корзина будущих выборов. И в последнее время к ним была добавлена четвертая корзина – корзина антитеррористическая, борьбы с терроризмом. Образовалось два трека: один трек – это следующее достижение, которое определяет этот свет в конце туннеля. Это два трека параллельных. Один в Астане, который сегодня должен завершиться, и в этом треке объединились три государства, которым еще год тому назад невозможно было объединиться – это Россия, Турция и Иран, и где обсуждаются вопросы военного характера и связанные с безопасностью. И здесь, я считаю, можно констатировать, что Россия в общем пошла на серьезную уступку по сравнению, если рассматривать прошлые позиции нашей страны в отношении этого конфликта. Это то, что в общем впервые там Россия села за стол переговоров с руководителями, лидерами, командирами тех организаций, которые мы считаем повстанческими, которые мы считаем террористическими, но которые не признаны в качестве таковых Советом Безопасности ООН. Совет Безопасности таковыми считает, как вы знаете, две в основном организации: Исламское Государство (ИГИЛ) – их там больше на самом деле конечно, чем две – затем это бывшая ан-Нустра и еще пара мелких организаций. А вот такие организации как Джейш аль-Ислам и Ахрар аш-Шам, с которыми ведутся переговоры, они ничем не лучше, но, скажем так, это большая, серьезная политическая услуга со стороны России.

Я никогда не думал, что, скажем там, в Женеве я буду сидеть за одним столом с господином Мохаммедом Аллушем, который возглавляет эту организацию, одну из них, это Джейш аль-Ислам. Его брат, который был предыдущим командующим этой организации, он был уничтожен сирийскими вооруженными силами, сирийской авиацией при помощи бывших коллег президента клуба *Триалог*. А вот его брат, с ним мы разговариваем, ведем переговоры, участвовали... Это то, что касается этого трека.

Затем, вторая уступка, которая была сделана, и серьезная, во имя урегулирования, я повторяю, Россией – это достигнутое соглашение о создании зон безопасности в Сирии – четыре зоны. И вот сегодня заканчиваются переговоры в Астане. Похоже, что там удалось договориться по двум большим проблемам, связанным с этими зонами: первое, это определение границ этих зон. Я не буду сейчас рассказывать. И второе, это проблема того, кто будет обеспечивать соблюдение режима прекращения огня в этих зонах и вокруг них. Это значит должны быть мониторинговые миссии или какой-то военный персонал, какие-то пункты, типа КПП, checkpoints, на границе. Кто это будет делать – очень большой, сложный вопрос. Вроде бы там есть какие-то предварительные хотя бы договоренности сегодня – по трем зонам точно. По четвертой, я не знаю. Ведется разговор еще конечно о ситуации... открытым остается вопрос, что будет твориться на юге, на границе с Иорданией и с Израилем. Но это отдельный вопрос.

Проблем огромное количество, но, понятно, что с Астаной медленно оно продвигается вперед. Американцы дали утечку о том, что существует закрытый канал связи между российскими и американскими военными в Иордании. Эти переговоры были закрытыми, касающимися юга. Даже речь шла об этих утекших кусках информации о том, что якобы может идти речь о пятой зоне, но мы об этом ничего не знаем.

Ну, вообще проблема российско-американских контактов, она очень сложна, как вы знаете, но без российско-американского взаимодействия добиться серьезного продвижения вперед очень трудно. Значит, наряду с Астаной, второй, параллельный трек — это Женеве, где

обсуждаются политические вопросы вот по этим четырем корзинам. Я буду участвовать в этих переговорах, поэтому, что там планируется, я не могу озвучивать — не имею на это полномочий. Много надежд возлагается на встречу Трампа с Путиным. Я не принадлежу к числу оптимистов по поводу возможных результатов этой встречи. Слишком далеко зашла кампания, которую проводят наши американские партнеры. В том числе и против своего собственного президента. Но, знаете, Трамп, он по своей профессии девелопер, его бизнес — это девелопмент бизнес. Девелоперы, как вы знаете мыслят в категориях, так сказать, длительности, сроков — на 10 лет вперед, на 8. Завтра деньги не вернутся — они вернутся может быть через 10-15 лет, если вы строите отель. Я уверен, что у Трампа есть долгосрочное планирование, несмотря на то, что его часто изображают человеком эмоциональным, реактивным, это не так, по-моему.

Я вижу то, что происходит в США — последнее, что я про Америку скажу — у меня складывается впечатление, что уже началась предвыборная кампания следующих американских президентских выборов. И главным героем этой кампании является Иванка. Это в порядке может быть не совсем шутки, потому что, кто его знает.

Теперь возвращаемся к перспективам, чтобы закончить с сирийским урегулированием. Я повторю главный тезис — это, первое, то что Россия проявляет гибкость в отношении сирийского кризиса. Второе, что есть Action Plan у России, и есть готовность сотрудничать с международными игроками по решению всех вопросов, в части которых уже достигнуты очень серьезные успехи: и в гуманитарной сфере, гуманитарного доступа, обеспечения и прекращения огня, прекращения враждебных действий... режима прекращения военных действий.

Я думаю, что интерес России состоит в том, чтобы обеспечить сохранение единой Сирии, единой государственности, и здесь у нас общие позиции, я бы сказал, со всеми основными глобальными и региональными игроками — никто не хочет распада Сирии. Есть, в принципе, общее видение того, какой должна быть будущая Сирия. Ну, понятно, все знают, что это такое — это democratic state, nonsectarian, права меньшинств и так далее и тому подобное. Последнее, что я хочу здесь подчеркнуть, это то, что российские военные в Сирии, они выполняют не только задачу поддержки действий правительства именно на этом фланге. Они выполняют, во-первых, очень серьезные гуманитарные задачи по оказанию гуманитарной помощи: это многие тысячи тонн грузов, которые отправлены в Сирию, не забывайте об этом. И, кроме этого, это конечно работа по примирению сторон. У нас есть центр примирения, который уже там в полутора тысяч населенных пунктов добился заключения соглашений о прекращении враждебных действий между этими населенными пунктами и правительством. Главное сейчас, чтобы ситуация, при которой есть зоны безопасности, чтобы она не была увековечена и не превратилась в постоянное разделение Сирии на ряд мелких государств. Такая опасность существует в реальности. Тем более что в каждой зоне есть свой спонсор, страна покрыта уже сетью баз: там есть американские базы, на юге и юго-востоке есть турецкие, как вы знаете, базы, и турецкие войска на севере стоят. И идет операция по освобождению Ракки, где участвуют в основном курдские, так называемые, демократические силы при поддержке Соединенных Штатов и коалиции. И как будет дальше развиваться ситуация, мы не знаем. Ну, конечно сирийских демократических силах, которым помогают Соединенные Штаты, там не только курды, где-то наверно больше половины — это в основном арабские племена, но главная военная сила — это конечно курдские отряды, так называемые YPG (отряды народной самообороны), которые турки, скажем, считают террористами. Оппозиция конечно очень серьезно ставит

вопрос везде о присутствии там отрядов Хезболлы и иранского Корпуса Стражей Исламской революции. Ну, пока там поскольку каждая сила, в том числе и глобальная сила: и Россия, и Соединенные Штаты, которые борются параллельными треками с терроризмом нуждаются в boots on the ground, нуждаются в сухопутных силах. Для нас это – сирийская армия, для американцев — это сирийские демократические, так называемые, силы и некоторые отряды, позиции на юге, которые сегодня получают достаточно серьезное оружие от наших западных партнеров.

Северо-западная провинция Идлиб — это одна из зон. Она в общем превратилась фактически в такой отстойник для значительного количества террористических группировок, вооруженных группировок радикального характера. И вот, что делать с Идлибом, который имеет общую границу с Турцией, пока тоже непонятно.

Теперь я перепрыгну в новый конфликт, связанный с катарской, так называемой, проблемой, с кризисом вокруг Катара. У нас нет времени рассматривать причины того, почему этот конфликт неожиданно вспыхнул. Но причину можно легко понять, если посмотреть на те 13 требований, которые предъявляет группа арабских государств сегодня Катару. Совершенно очевидно, что целый ряд обвинений, которые выдвигаются Катару, прежде всего в поддержке терроризма, могут быть предъявлены и многим другим государствам залива. Скажем, сирийские вооруженные группировки, не исключая и террористические, получали щедрую помощь в том числе и от Саудовской Аравии, и от многих других государств, если даже это не официальный уровень, а уровень частных пожертвований и неофициальных каналов, – то так или иначе многие государства оказывают поддержку.

Катар, как вы знаете, по доходу на душу населения, по GDP на душу населения, — страна номер один в мире – почти три американских GDP. И конечно этот огромный потенциал, огромные средства, аккумулированные правящим семейством, которые используются в том числе и для продвижения целого ряда проектов, связанных с возможностями влиять на обстановку в мире, они вызывают беспокойство соседей, которые с жадностью смотрят на эти огромные деньги.

Катар работает со всеми — это государство совершенно уникальной диверсификации своей внешней ориентации и своих связей, как в экономической, так и в политической сфере. Это, с одной стороны, главный ресурс поддержки для международного движения «Братьев-мусульман». Muslim brotherhood, не будем забывать, что это практически Турция, потому что «Партия справедливости и развития» господина Эрдогана, она выросла из «Братьев-мусульман». И поэтому сегодня такой вот альянс между Турцией и Катаром, он носит такой, стратегический характер, тем более что «Братья-мусульмане» находится сегодня в сложном положении. Для Египта – это сегодня красная тряпка, это неприемлемая организация, это враг. Для Эмиратов тоже, потому что в Эмиратах у «Братьев-мусульман» было сильное влияние в племенах, и для Эмиратов это серьезные внутренние угрозы, внутренняя опасность. Поэтому вот такая сложная ситуация. У нас были всегда серьезные противоречия, у России были серьезные противоречия с Катаром. В том числе и по сирийскому досье. Эти противоречия достаточно острый носили характер, особенно во время чеченской войны, когда Катар оказывал щедрую поддержку чеченским сепаратистам. Там было гнездо террористических группировок и, знаете наверно, помните ту историю, когда ликвидирован господин Яндарбиев в Катаре, и пришлось много приложить усилий, чтобы обнулить этот дипломатический кризис, который быстро прошел. Но в то же время

Катар сегодня один из серьезных инвесторов в России – 17% «Роснефти» принадлежит Катару, часть аэропорта «Пулково» в Петербурге, и много других совместных проектов, в том числе, которые обсуждались в последние месяцы и вот-вот должны быть реализованы. Ну, ничего удивительного, потому что Катару принадлежит, как известно, 20% British Airways и 10% Хитроу в Лондоне. Ну, и многие другие инвестиции везде, по всему миру. Ну, и наконец, базы СЕНТКОМа на территории Катара, где почти 11 тысяч американских военнослужащих стоят. А сейчас появилась новая база, турецкая, которую требуют закрыть группа арабских государств, о которых я в двух словах расскажу.

Мне кажется, что такие требования: закрыть базу, закрыть канал Аль-Джазира, который есть и на английском языке, Al-Jazeera International, прекрасно есть и ловится, работает, и понижение уровня отношений с Ираном, что особенно раздражает Саудовскую Аравию сегодня. И тем более на фоне визита господина Трампа в Саудию, когда он выступал с резкой анти-иранской позицией. Эти и другие требования, не буду их все 13 повторять, они, по мнению Катара, – вот вчера буквально они послали ответ на эти требования, что они не приемлемы, они нарушают суверенитет Катара и мешают принципам международного права. Сейчас совещаются четыре государства, которые предъявили ультиматум Катару: это Египет, Саудовская Аравия, Эмираты и Бахрейн. Каждый по своим причинам. Они советуются о том, какие дальше меры предпринять по давлению на Катар, чтобы он согласился на эти требования.

Я не думаю, что сценарием дальнейшего развития действий будет военная интервенция в Катар. Хотя в принципе разговоры о таких возможных сценариях идут, я думаю, что они беспочвенны. Никто не хочет турецко-арабской войны сегодня, но Турция просто так не оставит Катар, потому что это будет потеря лица и для Эрдогана тоже. Он его не хочет потерять, как никто их нас из всех, кто сидит за этим столом. Были спекуляции, что американцы заманивают Эмираты перевести базы в Эмираты, но достаточно по гуглу посмотреть на картинку американской базы, чтобы понять сколько туда было инвестировано миллиардов, чтобы представить, что все это бросить, так сказать, во имя того, чтобы перевести с Эмираты. А если завтра там будут какие-то проблемы? В свое время они так сказать перенесли из Саудовской Аравии, где было протестное движение – в Катар. Я думаю, что база американская будет. Американцы пытаются посредничать, но пока ничего у них из этого не получается.

Кстати, возвращаясь к Саудовской Аравии, в самой Саудовской Аравии сегодня ситуация очень непростая. Понятно, что там идет ожесточенная борьба в правящем семействе. И буквально 10 дней назад сын короля стал наследным принцем, сменил так называемого человека по имени MBN (Мухаммед бен Наеф), MBS (Мухаммед бен Салман), у нас еще есть MBZ, который Мухаммед бен Зайд. В Эмиратах три Мухаммеда бен есть: MBN, MBZ и MBS. Вот MBS тридцатитрехлетний – амбициозный, энергичный – понятно, что готовится стать королем Саудовской Аравии. Сальман сильно болен и реальные бразды правления фактически уже переходят к его сыну, что вызывает сопротивление у значительной части саудовского истеблишмента. Из-за падения цен на нефть, из-за катастрофической ситуации с войной в Йемене уровень жизни в Саудовской Аравии, хотя он достаточно высокий, но тем не менее сильно снижается, и это вызывает серьезные протесты даже со стороны среднего класса.

Возвращаясь к тому, что делает Россия. Мне кажется, что можно охарактеризовать позицию сегодня России как основанную на равноприближенности или равноудаленности, как

хотите, в отношении аравийских государств. Россия заинтересована в поддержании в этой сложной ситуации, сбалансированных равных отношений со всеми акторами этой новой драмы, которая там разворачивается. У нас прекрасно развиваются отношения с Египтом – они достаточно тесные. По Катару я уже сказал: они вполне, особенно в экономической сфере достаточно развитые, и мы заинтересованы в стабильности в этом государстве. И с Эмиратами у нас тоже прекрасно развиваются отношения. С Кувейтом – давно хорошо. И с Саудовской Аравией в последнее время тоже мы вышли на новый уровень сотрудничества, в том числе и в борьбе с терроризмом. И я думаю, здесь у нас позиции близки с Соединенными Штатами и с Европой, потому что никому сегодня дестабилизация в этой части Ближнего Востока не нужна, – она может иметь катастрофические последствия. Я думаю, что Катар заинтересован в том, чтобы тянуть время и выступать за политический диалог, который бы долго шел, и где обсуждались бы некоторые вопросы из тех, которые они считают возможными обсуждать. А государства другого фронта, они заинтересованы в наращивании санкционного давления. О чем может идти речь пока трудно сказать.

Естественно политический диалог – это единственное средство найти какие-то развязки. И возможно эти страны раз будут сейчас иметь больше интересов в том, чтобы сотрудничать и с нами, и с Западом в борьбе с террористической угрозой, поскольку то, что происходит сегодня заставляет их более осторожно относиться к поддержке радикальных группировок где бы то ни было.

Буквально в двух словах об Ираке: то, что в Ираке происходит это очень серьезно – сегодня заканчивается освобождение Мосула. Это, на мой взгляд, не означает, что такие организации как ДААШ или Исламское государство будут ликвидированы, уничтожены – они лишаются территории, они лишаются столицы. Одной. Вторая – Ракка, скорее всего там то же самое произойдет. Но уничтожить вот эти организации, в которых состоят десятки тысяч членов, в принципе, очень трудно. Ну, они сегодня уже переходят к новой стратегии франчайзинга, они создают все больше franchises по всему миру, включая и Европу, и включая территорию постсоветского пространства, где мы серьезно смотрим на то, что может произойти в Центральной Азии, в Афганистане и целом ряде других стран. Там создаются ячейки, спящие ячейки, перетекают бывшие боевики, которые покидают территорию двух столиц. Ну, вот эти десятки тысяч человек, их невозможно победить, на мой взгляд, сегодня, потому что пока эта радикальная идеология, она, к сожалению, находит поддержку в среде различных людей. Многие из этих боевиков прячутся в племенах, племя их защищает – племя защищает всех своих членов, и трудно сказать, на какой уровень перейдет вот эта деятельность террористов завтра.

Вот здесь сидит представитель посольства Филиппины. Мы знаем, что во время последних событий в Минданао, на острове Минданао, в среде террористических группировок, которые там воевали, были, скажем так, этнические чеченцы, которые туда приехали, по заданию как раз, Исламского государства. Но, тем не менее, это позитивное развитие с Мосулом, безусловно, но конфликтный потенциал остается, прежде всего касается взаимоотношений между арабами и курдами. Курдский фактор остается одним из самых серьезных, на мой взгляд, конфликтогенных на будущее на Ближнем востоке (что бы это не означало). Все курдские группировки сегодня воодушевлены возможностями, которые открываются перед ними. Ну, и, я думаю, что в ближайшее время мы увидим обострение ситуации вокруг курдской проблемы.

Ну, несколько слов наверно надо сказать о Йемене и Ливии, еще двух таких сложных странах конфликтных на Ближнем Востоке. В Ливии как не было государства после того, как оно было разрушено нашими западными партнерами безответственно и глупо, и с тех пор ничего не изменилось. Страна никем не контролируется: там есть три правительства, масса других организаций местных, бандитских группировок, с которыми я не вижу возможности в ближайшее время справиться. И не просматривается перспектив улучшения.

Также мало перспектив в Йемене. Гуманитарная ситуация там ужасная и, к сожалению, международное сообщество, увлеченное тем, что происходит в северной части страны, ничего не делает практически, ну, кроме конечно отдельных актов гуманитарной помощи, ничего не делает для того, чтобы это разрулить: там свирепствует холера, больше половины населения просто голодает, люди умирают от голода никто там на это не обращает по большому счету внимания.

Ну, поскольку мы говорим не только об арабских странах, буквально несколько слов о том, что сегодня есть, как считают, три государства, которые превратились в главных игроков на Ближнем Востоке. Если раньше это бы были Египет, Сирия и Ирак – три гиганта арабского мира, то сегодня все, каждый из них имеет свои проблемы, отдельные вообще не играют большой, глобальной роли, а другие как Египет — серьезные экономические проблемы, там тоже они могут выстрелить.

На этом фоне три государства неарабских: Израиль, Турция и Иран, они наращивают свой потенциал, в общем-то энергично, очень активно действуют. Хотя если присмотреться в каждом из этих государств есть серьезные свои проблемы, особенно в Турции, где вы знаете, что происходит, после попытки переворота, после кампании репрессий против гюленовского движения, которое в основном конечно было сильно погашено, Эрдогану удалось это сделать. Мы сделали огромный шаг вперед в развитии отношений с Турцией. Это конечно достижение российской внешней политики серьезное. То же самое с Израилем: где у нас, несмотря на разногласия по палестинской проблеме, у нас тоже выстроена очень система дружественных отношений, сотрудничества. Но, я считаю, что нерешенность палестинской проблемы, она тоже выстрелит — это тоже так просто за день не пройдет. Нежелание решить ее – большой минус в действиях правительства Нетаньяху.

Иран очень сблизился с Россией, хотя у нас есть тоже разное видение всего, что происходит, и даже в Сирии мы союзники, но у нас есть разные повестки дня. Иран очень обеспокоен политикой Соединенных Штатов, он вовсе не заинтересован в том, чтобы ситуация обострялась дальше, особенно если будут предприняты какие-то шаги Соединенными Штатами, чтобы помешать доведению до конца решения проблемы по ядерному досье Ирана. Я думаю, что иранцы, учитывая свой интерес в Южном направлении, в Персидском заливе, я думаю, что в том, что касается тут возможного обострения ситуации вокруг Катара, они тоже будут готовы на серьезные меры. Сегодня идет большая военно-морская активность Ирана в районе залива и, я думаю, что все-таки какие-то попытки будут здесь со стороны саудовцев и Эмиратов блокировать как-то регион для того чтобы давить на Катар — иранцам это не позволят сделать.

Ну, вкратце, я, по-моему, всего коснулся. В заключение хочу сказать, что приоритеты России — это развитие отношений со всеми партнерами на Ближнем Востоке. Россия добилась серьезных успехов, я считаю, на ближневосточном направлении. С ней считаются как с одним из главных игроков, а по отдельным досье — как с главным игроком, это

совершенно очевидно. У нас есть реальное сегодня присутствие, и когда что-то происходит, очередь тех лидеров, которые хотят приехать в Москву и обсудить проблемы. Вот, на этом я хотел бы закончить и перейти к вопросам, если они есть.

Вопрос: Виталий Вячеславович, спасибо вам за ваше выступление, я хотел бы немного углубиться в иранский сюжет. Сейчас некоторые эксперты даже начинают говорить о возможном ситуативном альянсе между Турцией, Ираном и Катаром для сдерживания Саудовской Аравии. Вот, на ваш взгляд, насколько Иран может выиграть в этой ситуации, насколько у него может быть новая роль в регионе, или может быть вопросы Аравийского полуострова останутся вопросами Аравийского полуострова, и Иран туда никто не пустит, он там никому не нужен?

Ответ: Вы правильно сказали, что речь идет о ситуативном альянсе. Я уже сказал, что Иран наряду с Турцией — это бенефициары в происходящих событиях. В какой мере будет развиваться сотрудничество, как вы говорите, между ним и Катаром, ну, я думаю, что будет конечно. Но вот внутриконтрессиональные противоречия между шиитами и суннитами, разными суннитскими группировками — они острее внутри суннизма, на самом деле, чем между суннитами и шиитами — они будут мешать конечно дальнейшему сближению, потому что тот же Катар, который является ваххабитским государством по сути, и для него слишком близко идти к Ирану тоже неприемлемо — чтобы режим, чтобы правящая семья не потеряла доверия со стороны радикальных, консервативных слоев суннизма, ваххабитского сообщества, особенно религиозного. Иран продолжает выходить из изоляции. Я считаю, что последняя сделка с *Тоталем* — она очень серьезная, потому что месторождения в Южном Парсе, которые являлись крупнейшими в мире газовыми месторождениями, получив такого мощного инвестора, фактически осадила Трампа, плюнула в физиономию, прямо скажем американскому президенту, я этого не ожидал. Это давний проект, который много лет обсуждался, и все боялись туда идти, и вдруг неожиданно Франция пошла. И если сейчас пойдут туда другие инвесторы, по этой дорожке, которая проложена, несмотря на американские санкции, угрозы, что они будут санкции применять в отношении компаний, которые сотрудничают. Часто это носит односторонний характер. Я думаю, что это очень усилит сегодня позиции Ирана, им нужны средства, иранская экономика развивается достаточно успешно. Они развивались в условиях санкций — это хороший пример для других, как можно преодолевать. И если политическое единство — там тоже ведется борьба, да, если оно будет обеспечено — то есть консолидация на условиях баланса сил между либералами и консерваторами, которые взаимодействуют, я думаю, что у Ирана большие перспективы в регионе, если он не будет слишком навязывать свою повестку дня противоположному лагерю, консервативному суннитскому союзу, который там существует, и в котором, в принципе, и «Братья-мусульмане» и Турция, но пока *mariage of convenience* толкает этих, названных ваши игроков, друг к другу. Недавно один саудовский джентльмен, принадлежащий к саудовской семье, сказал мне, что пока мы не вынудим Катар, разумных людей в правящем классе совершить гос. переворот, мы не успокоимся. Через пару дней я виделся с таким же джентльменом из Катара. Визави, так сказать. И он мне сказал: «Вот мы будем... Да, вот сейчас время заставить сесть за стол переговоров, будем медленно, спокойно при международной поддержке всех вас, американцев. Вот наш план — вести переговоры». Я говорю: «А дальше что?» «А дальше мы будем ждать переворота в Саудовской Аравии». Вот, ответ на ваш вопрос.

Вопрос: Thank you very much for the really in-depth presentation. Several points that you mentioned that is important for Russia to have good relations with all actors. But of course, even the deep-rooted religious, social and also from the historical, and from the point governance, the differences. Where all the limits of these good relations. And when you come to the limits, where will the priorities be?

Ответ: Yes, I think you are right there are limits, I think there are political and strategic limits. But we are not interested in competing with the U.S. for providing some ground for military presence. We are not interested in creating same number of bases or protecting countries, treaties like the US is doing and some of their partners. So, we are not doing this with the exception of what we are doing in Syria. It is quite enough, and I do not think there is a long-term strategy of some sort for military presence. On the other hand, a lot of governments are now interested in providing relations with Russia in the realm of security, I do not know how it is going to unfold, but still there is cooperation for the fight against terrorism and some other issues given this dialogue. Most of them are looking at Russia as a stabilizing force especially given that we have a lot of divisions within the Western camp. So, there is more interest in Russia to stabilize the whole situation around these countries. But there are limits, you are right. There are also financial economic limits. Because you know the problems Russia is suffering from, especially given the Western sanctions. But still the main list of countries is improving in terms of investment, as I have mentioned Qatar investment, there are also some other interesting deals with other countries like Turkey and also how it will be with Iran. Israel with less, but some Arab states. But there are limits, financial and economic. Limits related to our absence of ambitions to compete with anyone or replace anyone. If the Kuwait wants to be protected by the U.S. after the first Gulf War they are welcome to but we do not have anything against if they want to be protected. All these bases, Qatar, and so on so forth. But even given that there is a U.S. base, there are even some countries in the Gulf that are thinking in terms of U.S. conspiracies, the most popular tune abroad is conspiracies against the Middle East, the colonial past is dictating Western conspiracies, divide and rule and so on and so forth. More frequently now we are hearing these accusations or conspiracies, that somebody is going to divide, or to destroy these countries. With the success of these fights in Iraq, you know, Iraq is on the brink of not collapse but partition. So, in general I think you are right, there are lines, but at the same time we are moving step by step towards better relations with countries and more and more role. We are interested in more roles and participating in a new thing I think, foreign policy. More and more interested in dealing with different actors in Libya. Thinking about problems and trying to reconcile different factions, working mostly with European states who have experience — Italy, France, some others, and United States. But still.

Вопрос: Спасибо, Виталий Вячеславович, за глубокий анализ, который позволяет структурировать и более объемно представлять ситуацию в регионе. Вы коснулись уже ситуации в Ливии, и я хотел бы попросить вас более подробно рассказать о том, что там происходит — информация сегодня достаточно скудная оттуда поступает — и, главное, какова российская позиция по ситуации в этой стране. Спасибо.

Ответ: Вы знаете, вот мы в нашем институте публикуем такие маленькие брошюры по положению в разных странах абсолютно, буквально на сегодняшний день. Вот буквально у нас недавно подробное вышло описание всех сил — целая брошюра с массой информации, очень полезная. Я готов через организаторов вам такую передать. Если я буду пересказывать, то что мы там написали, это два часа наверно займет как минимум — действительно сложная ситуация. Я бы хотел вот воспользоваться случаем — я передам вам эту брошюру, и я думаю, что вы там найдете все, чтобы сейчас долго не говорить, потому

что есть две силы в Тобруке, есть одна в Триполи, есть исламисты, есть масса организаций, повторяю, три правительства, есть, кстати, ООНовский специальный посланник, который занимался урегулированием, была достигнута договоренность с правительством национального единства, то есть Сараджем, оно практически не контролирует ситуацию. Все, повторяю, работают с Сараджем, он приезжал сюда и потихоньку происходил обмен мнениями. В России работает и генерал Хафтар, который возглавляет мощную военную силу, но который не имеет поддержки населения на западе страны, поэтому некоторые разговоры наших западных партнеров, в том числе в России, делают ставку на нового Каддафи в лице Хафтара — совершенно непропорциональная, я думаю, постановка вопроса, тем более он очень пожилой человек, и рассчитывать, что ему удастся взять под контроль всю страну очень трудно. В этой стране очень активную роль играют внешние силы, соседние государства: Египет — у него свои интересы, этот интерес в основном состоит в сдерживании исламистов, «Братьев-мусульман», которые там очень активны — там действуют Эмираты. Они вроде бы вместе с Египтом действуют, очень серьезные у них свои планы в отношении Ливии, но их интересы не совпадают, они также ориентируются на разные группы сил. Каждая ливийская группировка, она заинтересована в определенном спонсоре, который будет ее проталкивать. Несмотря на то, что нефти много, там есть трудности с добычей и с транспортировкой, но в принципе борьба ожесточенная за них внутри стран проходит — фактор не способствующий урегулированию. И, наконец, есть такой и был, и остается игрок как Катар. Это, кстати, одна из причин вот этого конфликта, потому что Катар поддерживает Братьев-мусульман. Это сила анти-египетская и анти-иранская. И вот эти вот сошлись там группы. Наше, как я вижу себе, я не представляю официальную позицию, но как я вижу себе политику России, я вижу, как политику ориентированную на примирение сторон и на какой-то может быть консенсус, которого добиться, по-моему, сейчас если и не невозможно, то трудно.

Вопрос: My question is about Syria. At the beginning, you said Syrian society is divided into 2 segments...

Ответ: No! More than 2 segments

Вопрос: ...yes, two segments would be two simple. My question is if now in the last days of the war against Daesh, if the situation in Syria can be simplified in the sense that is just Assad against Daesh. So, what kind of role is left to the other opposition also in terms of political aspirations. And then, it is interesting that on the second of July the Syrian government have issued new bank notes and the most popular bank notes have a portrait of Assad. So, does it pave the way for the move, the regional transition. Could you elaborate on this? Thanks.

Ответ: Ну, вы знаете, что в резолюции 2254 заложена мысль о политическом переходе и, более того, если мы вернемся к Женевскому коммюнике от 30 июня 2012 года, там есть положения о так называемом TGB — transitional government body. Конечно сегодня эта резолюция, она для многих участников этой сирийской драмы уже устарела. Я имею в виду коммюнике женевское. И скорее нужно базироваться больше на резолюции 2254, но, если сказать об умеренной оппозиции, когда мы с ней ведем переговоры, Россия ведет переговоры. Здесь много приезжает визитеров в Москву регулярно, идет поток различных группировок, как воюющих, так и политических. Очень мощные есть группы за рубежом страны. Самая крупная из них — это так называемый Высший комитет по переговорам, HNC, который претендовал на то, чтобы монополизировать представительства всех оппозиционных группировок, в том числе и воюющих. Там есть представители воюющих

группировок. Он был создан в Саудии, в Эр-Рияде и его позиция по политическому переходу заключалась в том, и он просто ее оставил в Женеве, что надо сейчас выполнить решения о создании КГВ. Завтра пусть Асад уезжает из страны, вы ему даете гарантии. Пусть новый управляющий орган, переходный управляющий орган, как положено возглавит страну, 6 месяцев управляет, потом уходит. Потом 18 месяцев переходный следующий период, дальше... Новая конституция вернее сначала. Это было заложено.

You cannot simply negotiate this. This is why I stress the importance of Loyalists. If you are negotiating with them, they are not able to accept. You need some strategy for the smooth transition and allow Syrians to decide for themselves who is going to rule them. So, resolution 2254 they identified some other groups as well. Moscow Group and Cairo Group identified in the resolution, two groups of opposition. And also, there are other groups. So, it means that there should be some other groups, that will represent the Moderate opposition. So, it was very difficult everywhere, and in Geneva as well, there were attempts by Staffan de Mistura to make them sit together and probably to create one body umbrella with all the groups. But they cannot come together under the leadership under the HNC, because they do not trust each other.

The first time, there are some, the main element of the last six round in May they managed to sit together at the level of technical experts. So, I think the talks are still proximity talks. The main goal is to organize direct talks. It is not possible now. Proximity talks, this format is working. And for the first time there is some prospect of bringing together some groups of the opposition. And the opposition is divided, very much divided. And the HNC is not controlling the situation. There are groups, different groups, armed groups, and different important people outside the country. Although they are not fighting with Assad some of them are helping. Some important Syrian billionaires are helping with the opposition and who have some ambitions, they are awfully wealthy and there are smart Syrians outside of the country. Brazil, has substantial Syrian community, they have about 5 million Brazilians of Syrian origin and several million of Lebanese origin. All in all, 12 million people out of, I do not know, two hundred and four million of Brazilians, and substantial positions in business, government, parliament, and everywhere. So, Latin America is really important and there are a lot of wealthy people who care about Syria, and the same about Europe. There are some important businessmen in Britain, France, and the United States, even playing some political role.

The political transition will be much more focused on some sort of transition plan based on the basis on the power sharing. I think it can happen, but we need secession of hostilities to prevent the emergence of new wave of killings and atrocities. The situation is much better in the realm of the humanitarian situation and ceasefire.

Вопрос: Thank you so much for this insightful speech. I have two questions. You have mentioned about the post-world creation of the de-escalation zone in the South. Could you please elaborate more on this? Is there any progress in the discussions among Russia?

Ответ: I do not know. I said that it is closed format and there was a leak that are contexts, but I do not know anything about that.

Вопрос: Second question then. To what extent is Russia committed to Assad being at the top. Is it Russia, or is it Assad, or regime that Russia is supporting? Thank you so much.

Ответ: No, it is not Assad. We do not care about Assad personally, but it is up to the Syrians to decide who is better to rule them as I said. As of now, Assad is a legitimate, in the view of Russia, a legitimate president Head of State in Syria. So, he is someone with whom you deal. Even our American partners who when they were negotiating and signing agreement about elimination of chemical weapons it was done with the government of Mr. Assad. Not with anyone else. Not with the opposition. There is a regime. If the regime is represented in the United Nations, it is a legitimate government. You cannot say, "Oh this government is not legitimate." It is legitimate, it is recognized by the international community. What can you do about it? And as I said there is a certain loyalist segment of the Syrian society even those who believe that the country can survive only if Assad is remaining in his palace.

We do not care about who is going to be there, but we are in favor of international law. International law demands implementation of these Security Council resolutions. So, do not think Russia is praising Assad for whatever he is doing. There have been a lot of pressures on the government, on Assad and the terms of essential rights, and political prisoners, and a lot of other things. He is not an easy partner. We are not dictating to Assad what to do and what not to do. It is a very tough government, a very tough president with his own vision on what to do. But in the terms of preserving Syria as a unitary state, it is significant to deal with this government. So, we are supporting this government in order to preserve state institutions, to preserve the Syrian army as the main force which is fighting against the terrorists. We analyzed the mistakes which had been done by our partners in Iraq, where everything has been destroyed and still cannot be rebuilt so easily given the potential of the Iraqi army. There was the situation when the Ba'ath party was dissolved and some of the most active elements in the army and in the government went to the Islamic State. So, most of the main commanders of Daesh are former officers of Saddam Hussein's army. So, to preserve the military institutions, to preserve state institutions of Syria is a goal for any sort of transition. It does not mean we stick with Assad, if there is a transition based on some power sharing, so it will be, in my view, the best solution. But nobody is saying that Assad is a long life president of Syria. No one is saying this.

Вопрос: You pointed out to the strength of ISIS ideology. You pointed out Mindanao. My questions are a bit more to the most populated Muslim state, Indonesia. How far do you see the potential of ISIS spreading to Indonesia and infecting the community there? And if there is potential, who would be a partner in fighting this radical situation?

Ответ: Good question. So, we have good specialists on Indonesia in my institute. What I know, I think, that given that the main Islamic parties: Sufi order in Indonesia are very tolerant, controlling the main part of the situation given it is a democratic state, and its big economic potential. More or less, good living standards in comparison to some other countries. I think that the living standard is not as dangerous as, for instance, needed to think about some specific strategy, especially the use of forces. I do not think so. I think that Jemaah Islamiyah and some other groups are not as dangerous. If we analyze who is coming to Syria and Iraq to fight. I do not know who is going coming from Indonesia, probably there are one, two, three fighters. So, it demonstrates that there are not plenty of sympathizers in Indonesia than from Bosnia, or some other European countries. There are many more fighters with European passports in big numbers, but not from Indonesia.

Вопрос: Thank you very much for the interesting presentation. In terms of Qatar, was this something that you expected, in terms of the reactions of the decisions made by Soviet, Emirates, and others. Or did this come as a surprise? Was there anything in particular that triggered it to

happen right now, as oppose to anything that is new, it has been there for some time that. But what triggered them to take these actions.

Ответ: Good question. I can confess that it has not been anticipated to explode in such a quick manner, but it was not unexpected. The situation was very tense in that relationship, and it was triggered, I think, by the Iranian factor and also, not exactly by the visit from Mr. Trump, but by the support and his line which is very anti-Iranian, it helped Saudi Arabia in opening this new front after Yemen. Probably it is a sort of diverting attention from Yemen to this new front, and there are certain calculations of these parties against Iran — one. Against the Muslim Brotherhood — two. Against terrorists — three. And there is some practical consideration because the Qatari money is a source of attraction. If they want compensation, one of the demands is to pay compensation to the states. So, this huge amount of money reserves, even the worsening economic situation in Saudi Arabia is one of the factors. The general atmosphere in the crisis of statehood, the mere concept of nation states where everyone is afraid of possible collapse, partition, change of borders and everything, it is the whole atmosphere that helps create or exacerbate existing tensions.

Вопрос: My question is with regard to Israel. I would like to hear your view about what explains extremely cautious reserved attitude of Israel vis-à-vis the world surrounding him, the burning Middle East. Why is Israel behaving like we do see it?

Ответ: Thank you. I think that for Israel, the main challenges are Hezbollah and Iraq. The worsening of the situation, the weakening of the Arab States is looked upon in Israel as a factor that is working towards to the interests of Israel. For instance, Syria has been regarded as one of the main adversaries, does not exist as a threat. Terrorism is in the view of strategic thinkers in Israel is pretty much under control. I think with the exception of the presence of Hezbollah and Iran in the South of Syria. Also, the situation in the Sinai, I think they do not care. They do not see any threats to their security. They think they are self-protected. Continuing building on new settlements which is frustrating for the international community, but nobody, for instance, uses sanctions against Israel because they understand that there is total support by Mr. Trump. It is probably the most pro-Israeli government in the history of the United States. It is an encouraging factor in favor of the present Israeli government which is also facing some internal huge struggles. So as far as Sinai is concerned, efforts to work together with Saudi Arabia which is coming closer to Israel step-by-step. There are some various channels of communication, those Egypt and Saudi Arabia, and to contain this terrorist potential in Sinai which is most disturbing to Israel and Egypt. The situation in Gaza is sort of concern but not a concern for Israeli government. If Hamas is going to be defeated within the realm of the Qatari crisis, because one of the conditions was to expel Hamas leadership and the Muslim Brotherhood. So, Israel is one of the main beneficiaries, and they think that they are well secured.

Вопрос: You pointed to Hezbollah, and my question is: How far do you think Iran can control Hezbollah which has its own agenda of course. If it is too strong pro-Israel might have a counter reaction which may destabilize exactly what you have been coining at. Thank you.

Ответ: Yes, I believe that Iran is not 100% controlling Hezbollah. Hezbollah is rightfully mentioned, has its own national means and agenda and is determined to continue the struggle in Syria to support the government; despite huge losses. So, the estimation is that they have lost about 2,000 fighters, most experienced skillful fighters in Syria, and about 5,000 are wounded. But they are still determined to sustain their threshold in the popular base. They are determined to continue

because it is their strategy. The Iranians have nothing to do with that. Of course, they are close to supporting. The Israelis are watching. The main watch of Israelis is to prevent supplies of arms to Hezbollah. So, that is why they are from time to time striking different facilities in Syria not on the same as the government of Assad, but to prevent the accumulation of weapons by Hezbollah. As you know, even for a very irritating factor in the crisis of Qatar. One of the reasons why it exploded you know when Hezbollah was described by Qatar as a factor of government. It was very unusual for a country which is Wahhabi Muslim Brotherhood and so on and so forth to say that Hezbollah is not an enemy but a friend which was probably the last drop that helped explode in such a quick manner.

Евгений Бужинский: Спасибо большое. Я не буду вас долго задерживать, учитывая, что время подходит к концу. Я еще раз хочу поблагодарить академика Наумкина за очень информативный, интересный обзор ситуации на Ближнем Востоке, тем более что, я думаю, что на многие месяцы, а может и больше, эта тема будет в топах новостей, в топах обсуждений, в том числе и в дипломатическом, военно-дипломатическом сообществе. Ну, несмотря на то, что июль август – это время каникул, лета, но, к сожалению, погода нас не радует, особенно в Москве, но я думаю, что в политическом смысле это будет горячее лето. Я думаю, я уверен, что в ближайшие месяцы что-то произойдет на Украине, потому что нынешняя ситуация, особенно партию войны в Украине отнюдь не устраивает. Потому что уже некоторые политики договорились до того, что они уже планируют провести парад в Москве после того, как они возьмут столицу Российской Федерации и поднимут свой прапор над Кремлем.

Ну, тем не менее, может быть ситуация и развернется в сторону урегулирования, но здесь конечно будет очень многое зависеть от того, найдут ли компромисс президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, при все уважении к европейскому посредничеству со стороны Германии и Франции, все-таки партия войны в Киеве опирается все-таки на американскую поддержку, а не на европейскую. Меня очень беспокоит динамика в российско-американских отношениях, потому что кажется русофобия уже зашкаливает, особенно в американском сенате, ну, и в меньшей степени в Палате представителей. Даже в любимой мной проблематике контроля над вооружениями вот в этой связи наблюдаются очень тревожные тенденции. В американском сенате все громче и громче звучат голоса о том, что Соединенные Штаты должны выйти из договора о ракетах средней и меньшей дальности под предлогом нарушения этого договора со стороны Российской Федерации. Если еще полгода назад я был абсолютно уверен, что этого не произойдет, то сейчас я вполне допускаю такую возможность, и, если такое произойдет, то следующей жертвой наших разногласий с американцами конечно будет Пражский договор, договор СНВ-III. Хотя он и выполняется, и очень прилично выполняется, но, если начнется обвал системы контроля за ядерными вооружениями, СНВ не устоит. Что самое удивительное, люди трезвые в Госдепартаменте и в Пентагоне, они тоже очень этим озабочены, потому что для профессионального американского сообщества оставить Россию бесконтрольной в плане ядерных вооружений, для них это немыслимо, но тем не менее, ситуация такова, что такое произойти может. Ну, тем не менее, давайте будем оптимистами, может быть послезавтра президенты России и Соединенных Штатов, может быть о чем-нибудь договорятся, хотя я мало себе представляю, о чем они могут договориться в нынешней обстановке, но, тем не менее, может быть какие-то позитивные моменты будут обозначены. На этом мне хотелось бы завершить свое заключительное выступление.

Стенограмма заседания Международного клуба *Триалог*
5 июля 2017 г.

Спасибо вам за присутствие, спасибо за участие в очередном заседании нашего клуба. До следующих встреч.